

<БЕЗ ПОДПИСИ>

<Передовая № 1 журнала «Смена вех»>

После четырех лет величайшей в мире революции можно, казалось бы, признать: *«да, в России произошла революция»*. Признать и сделать соответствующие выводы. А сделав выводы, начать действовать, как подсказывает новая политическая обстановка и новый политический долг.

Во всяком случае, давно пора задуматься над тем, почему русская революция приняла свой страшный размах, почему она преодолела все попытки остановить или сорвать ее, почему она провозгласила одни идеалы и отвергла другие, почему она шла такими жуткими путями и где для неё выходы на новые пути.

Увы, то, что ясно понимают сами вожди и творцы революции, что инстинктивно чувствует и принимает идущий за ними, вдохновляя их, русский народ, того еще не хочет и не может понять в своей массе «цвет русской мысли», «мозг нашей страны» — *русская интеллигенция*.

Для неё великая революция все еще не произошла, потому что ничто еще не стало приблизительно по-старому, или совсем по-старому. Для неё русская революция — *не революция*, а только какая-то очень крупная неприятность, потому что она осмелилась выйти за те аккуратные и скромные пределы, которые ей были заранее предписаны ими. А что самое грустное, для них русская революция не является даже *русской*, раз она широко открыла свои объятия всем, кто только согласился встать под её знамена.

Трудно винить за непонимание революции ту часть русской интеллигенции, которая осталась в России. Будучи вдруг выбита из колеи, находясь среди новых людей, с жестокостью стремящихся к непонятному ей, оглушенная, запуганная, лишенная хлеба, одежды и тепла — она видит пред собой лишь искаженное мукой и гневом

лицо революции, но от неё далеко её сердце. И тем не менее процесс её приятия революции начался и быстро углубляется.

Иное дело — русская эмигрантская интеллигенция. У неё есть все возможности разглядывать русские события в известной перспективе. Она различна по составу и настроениям и легко могла бы проверить себя. Ею проделан длинный и сложный путь контрреволюционной борьбы и для неё должны быть яснее чем для кого бы то ни было ложь и бессилие контрреволюции. А между тем она все еще крепко держится за изжитые лозунги и изо всех сил стремится помешать родине и русскому народу в их борьбе за лучшее будущее.

Пользуясь тем, что молодежь и часть армии в ней видела еще столпов русской государственности, она посылала их на заведомо безнадежную братоубийственную войну. Пользуясь тем, что ей еще есть вера у иностранцев, она систематически вводила и вводит их в заблуждение своими рассказами и обещаниями. Порой она доходит до того, что становится в ряды наемных иностранных агентов против России. Бессильная бороться непосредственно с оружием в руках, она подговаривает на восстания отчаявшихся людей в России и питает террор. Разочаровавшаяся и в восстаниях, она с надеждой взирает на ужасы голода, отказываясь кормить голодающих и ценою голодных смертей упрямо ищет все одного и того же: свержения создавшейся власти. Теперь уже ей ясно, что и голод ей не поможет в её жутких чаяниях и все-таки — без надежды, без смысла, без цели — она повторяет привычную формулу — «долой большевиков».

Если это не безумие, не болезнь, то это преступление, которому нет прощения.

Долго ли будет продолжаться так? Хочется верить, что недолго. Из России приходит все больше и больше известий о тех лучших представителях русской интеллигенции, которые не за страх, а за совесть решили отдать свои силы новой России, дабы поскорее преодолеть ужасы и тени переходного состояния. «За границей первая коллективная попытка глубже вдуматься в свой новый долг представителей русской интеллигенции была недавно сделана шестью авторами сборника «Смена Вех».

Выпускаемый с сегодняшнего дня еженедельник «Смена Вех» хочет быть следующим этапом в примирении заграничной русской интеллигенции с Россией и русской революцией. Вместе с тем; он ставит себе и еще одну важную цель: быть мостом между русской интеллигенцией за границей и русской интеллигенцией в России — конечно, с той по преимуществу, с которой у него есть точки близкого идейного соприкосновения.

Отправные мысли и цели нашего еженедельника просты и ясны:

— Русская революция оказалась более грандиозной и решающей в жизни русского народа, чем то можно было думать в начале. Она преодолела все сопротивления, создала новые социальные базы для русской жизни и теперь уже возврата к старому нет. Создалась новая Россия, — Россия трудящихся, сбросивших с себя ярмо прежнего угнетения и ищущих новой, своей свободы. Она еще слаба, эта новая Россия, и при неблагоприятной обстановке мыслимы не только резкое понижение её достижений, но даже и срыв её. Отсюда — предостережение: — Если ценою великих испытаний и разрушений Россия достигнет лишь ничтожных результатов — это будет непоправимый моральный удар для неё: *жертвы революции не должны остаться неискупленными*. Если же произойдет срыв революции, — хотя бы и временный, — *то откроется эра такой анархии, пред ужасами которой пережитые ужасы покажутся приятным и коротким сном*.

Так вот именно потому, что новая Россия еще слаба, ее и надо *поддерживать*. Поддерживать — не значит, однако, до бесконечности сохранять те ненормальные условия, в которых сейчас приходится жить России. Напротив, с момента отказа от насильственного сопротивления неизбежному и нужному, — сами собой прекратятся все ужасы, сгладится постепенно все ненормальное, неприемлемое. Таким образом, пусть с самого начала будет откинут упрек нам, что мы склонились перед силой. Перед волей русского народа, перед волей истории склонились мы, а не перед силой. И при том, склонились, — но не растворились в бушующей стихии, не отказались от себя. Самих себя и тех, кто с нами, мы также считаем силой, нужной России, и мы уверены, что наше участие в её дальнейшем культурном строительстве не пройдет бесследно. То ценное, что нам дало прошлое России, мы хотим бережно и с любовью вложить в русские будущее. И России примет это. Следовательно, мы — а не те, о с кем у нас уже открылся спор, — являемся сберегателями национального русского достояния. При этом мы не отрекаемся от того, что мы *русские интеллигенты* и хотим ими оставаться. Поэтому и говорить мы хотим лишь от имени *русской интеллигенции*, — этого с нас вполне достаточно — а не от имени «всего русского народа», как то любят делать каждый свежеприбывший — эмигрант, или от имени «всего русского крестьянства», как в своеобразном политическом снобизме решили вдруг делать 22 парижских интеллигента-кадета. Из интеллигентов нам по пути со всяким, кто искренно и честно принял факт *великой русской революции*, видя в ней грандиозный исторический сдвиг и первый этап в достижении Россией могучего социально-

политического прогресса. Пусть при этом каждый из нас по-разному представляет себе конечный идеал русской революции и возможный предел её достижений. Мы не только не боимся разномыслии в нашей среде, мы приветствуем их, — потому что не считаем никого из своей среды (и никого вообще) носителем абсолютной политической истины. И вместе с тем мы уверены, что лишь ил внимательного отношения к *чужому* мнению легче всего составить наиболее правильное свое мнение. Тем самым мы хотим быть той средой, в которой единство различных течений русской политической мысли стало бы реальным и действенным, а не утрачивалось бы во взаимном недоверии, взаимных интригах, ожесточенной и вредной борьбе.

Говорят, что то течение русской политической мысли, выразителем которого хочет быть и наш еженедельник, продиктовано душевной усталостью, отчаянием, дряблостью воли. Эмиграция, привыкшая все видеть и понимать превратно, и здесь осталась верна себе. Не усталость и дряблость руководят нами, а пламенное желание работать, творить, как бы трудны ни были условия работы и каких бы жертв ни требовало творчество.

С верой в Россию и в её будущее, — с верой в правильность своего пути приступаем мы к выполнению своих задач. И мы знаем: то, что есть благо для новой России, то чего хочет эта новая Россия — будет благом и для всего мира. Новую Россию нельзя мыслить враждебной остальным народам. Дело русского прогресса есть дело прогресса мирового. Поэтому мы горды сознанием, что, стремясь внести мир в истерзанную душу нашей прекрасной и святой в своих страданиях, падениях и исканиях родины, — мы вместе с тем, по мере наших слабых сил, служим делу мира во всем мире.

И если благодаря новой России, вышедшей из горнила революции всеобщий мир среди народов кажется более обеспеченным, чем теперь, заслуги Великой Русской Революции признает не только сама Россия, но и все человечество.

